

Солдат и смерть

Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься на родину с родными повидаться. Сначала было король не пускал его, но потом согласился, наделил его золотом-серебром и отпустили его на все четыре стороны. Вот получил солдат отставку и пошел с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему: — Неужели на простионах не поднесешь, а прежде ведь мы хорошо жили? Вот солдат и начал подносить своим товарищам; подносил-подносил — глядь, а денег-то осталось у него только пять пятаков. Вот идет наш солдат. Близко ли, далеко ли, видит: стоит в сторонке кабачок; зашел солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошел далее. Прошел немного, встретилась ему старуха и стала милостыню просить; солдат и подал ей пятак. Прошел опять немного, смотрит, а та же старуха опять идет навстречу и просит милостыню; солдат подал другой пятак, а сам дивуется: как это старуха опять очутилась впереди? Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; солдат и третий пятак подал. Прошел опять с версту. Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню. Разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит: — Куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно! И хотел было уж бросить — вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из земли, два молодца и говорят ему: — Что вам угодно? Солдат удивился и ничего не мог им сказать, а потом закричал: — Что вам от меня надобно? Один из них подошел поближе к служивому и говорит: — Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай. Солдат думал, что все это ему грезится, протер глаза, решился попробовать да и говорит: — Если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска и трубка с табаком! Не успел солдат еще и кончить, а уж все и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалился на койку и закурил трубку. Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой и, когда явился молодец (служитель котомочки), солдат и говорит ему: — А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак? — Сколько угодно, — сказал молодец. — Ну так убери все, — сказал солдат и пошел дальше. Вот шел он после этого, близко ли, далеко ли, и пришел к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом. А барин в этом доме не жил, а жил в другом — в хорошем-то доме черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать: — Где барин живет? А мужики и говорят: — Да что тебе в нашем барине? — Да ночевать бы надо попроситься! — Ну, — говорят мужики, — только поди, так он уж отправит тебя чертям на обед! — Ничего, — говорит солдат, — и с чертями разделаться можно. А скажите, где барин-то живет? Мужики показали ему барский дом, и солдат пошел к нему и стал у него ночевать проситься. Барин и говорит: — Пустить-то я, пожалуй, и пушу, да только у меня там не тихо! — Ничего, — говорит солдат. Вот барин и повел солдата в хороший дом, а как привел, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился молодец, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось все. Барин, хоть и богат был, а такой закуски никогда еще у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку. Кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел убрать все, а молодец говорит: — Я не могу убрать — не все на столе. Солдат посмотрел да и говорит: — Ты, барин, для чего ложку взял? — Я не брал, — говорит барин. Солдат обыскал барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости запер на замок все двери. Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрестил их и стал чертей дожидаться. Около полуночи слышит, что кто-то у дверей пищит. Подождал еще солдат немного, и вдруг набралось столько нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай! Один кричит: — Напирай, напирай! А другой кричит: — Да куда напирать, коли крестов наставлено!.. Солдат слушал, слушал, а у самого

волосы дыбом встают, даром что не трусливого десятка был. Наконец и закричал: — Да что вам тут от меня надо, босоногие? — Пусти! — кричат ему из-за двери черти. — Да на что я вас пушу сюда? — Да так, пусти! Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит: — А что, много ли вас, босоногих, войдет ко мне в мешок? — Все войдем, — говорят ему из-за двери черти. Солдат наделал на мешке крестов углем, притворил немного двери да и говорит: — Ну-ка, я посмотрю, правду ли вы говорили, что все войдете? Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал его, перекрестил, взял двадцатифунтовую гирию да и давай по мешку бить. Бьет, бьет да и пощупает: мягко ли? Вот видит солдат, что наконец мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон. Смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается. Вот солдат как крикнет: — А вы что тут, босоногие, разлеглись? Другой бани, что ли, дожидаетесь, а? Черти все кое-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку: — Еще придете сюда, так я вам не то еще задам! Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришел к барину и говорит: — Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать! Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошел себе дальше. Вот шел и шел он так долгонько, и до дому уже недалеко осталось, всего три дня ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несет полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается. Загородила она ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал: — Что тебе надобно от меня, старая? Хочешь, тебе голову раскрою? Смерть (это была она) и говорит: — Я послана Господом взять у тебя душу! Вздрогнуло солдатское сердце, упал он на колени да и говорит: — Смилуйся, матушка смерть, дай мне сроку только три года; прослужил я королю свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться. — Нет, — говорит смерть, — не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку три года. — Дай хоть на три месяца. — Не дам и на три недели. — Дай хоть на три дня. — Не дам тебе и на три минуты, — сказала смерть, махнула косой и уморила солдата. Вот очутился солдат на том свете да и пошел было в рай, да его туда не пустили: недостойн, значит, был. Пошел солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит: — Вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, или позабыли уж барскую баню, а? Черти все побежали от него, а сатана и кричит: — Вы куда, детки, побежали-то? — Ой, батька, — говорят ему чертенята, — ведь солдат-то тот здесь! Как услышал это сатана, да и сам побежал в огонь. Вот солдат походил, походил по аду — скучно ему стало; пошел в рай да и говорит Господу: — Господи, куда ты меня пошлешь теперь? Раю я не заслужил, а в аду все черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошел к тебе, дай мне службу какую-либо! Господь и говорит: — Поди, служба, выпроси у Михаила-архангела ружье и стой на часах у райских дверей! Пошел солдат к Михаилу-архангелу, выпросил у него ружье да и стал на часы к райским дверям. Вот стоял он так, долго ли, коротко ли, и видит, что идет смерть, и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит: — А тебе что надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего доклада никого не примет! Смерть и говорит: — Я пришла к Господу спросить, каких на этот год велит людей морить. Солдат и говорит: — Давно бы так, а то лезешь не спросясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ка ружье-то поддержи, а я схожу спрошу. Пришел служивый в рай, а Господь и говорит: — Зачем ты, служба, пришел? — Пришла смерть. Господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить? Господь и говорит: — Пусть морит самых старых! Пошел солдат назад да и думает «Самых старых велит Господь людей морить; а что, если у меня отец еще жив, ведь она его уморит, как и меня. Так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше. Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ка погрызи дубы!» Пришел да и говорит смерти: — Смерть, Господь велел тебе на этот раз не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старше нет! Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у нее ружье и стал опять у райских дверей ходить. Прошел на белом свете год, смерть опять пришла спросить, каких на этот год велит ей Господь людей морить. Солдат отдал ей ружье, а сам и пошел к Господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить. Господь велел морить самых матерых, а солдат опять и думает: «А ведь у меня там есть еще братья да сестры и знакомых много, а смерть как

уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызет дубов, а там, быть может, нашего брата-солдата и миловать станет!» Пришел да и послал смерть грызть самые ядреные, матерые дубы. Прошел и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал ее молодые дубы грызть. Вот, так пришла смерть на четвертый раз, солдат и говорит: — Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: надоела! Пошла смерть к Господу, а Господь и говорит ей: — Что ты, смерть, худая такая стала? — Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыломала! А не знаю, за что ты, Господи, на меня так прогневался? — Что ты, что ты, смерть, — говорит ей Господь, — с чего ты взяла это, что я посылал тебя дубы грызть? — Да так мне солдат сказал, — говорит смерть. — Солдат? Да как он смел это сделать?! Ангелы, подите-ка, приведите ко мне солдата! Пошли ангелы и привели солдата, а Господь и говорит: — С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть? — Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и три часа. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть. — Ну, так поди-ка теперь, — говорит Господь, — да откармливай-ка ее три года! Ангелы! Выведите его на белый свет! Вывели ангелы солдата на белый свет, и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть. Видит солдат какой-то мешок, взял он мешок да и говорит: — Смерть! Садись в мешок! Села смерть в мешок, а солдат взял еще палок да камень положил туда, да как пошагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят! Смерть и говорит: — Да что ты, служивый, потише! — Вот еще, потише, еще чего скажешь, а по-моему так: сиди, коли посажена! Вот шел он так два дня, а на третий пришел к свату-целовальнику да и говорит: — Что, брат, дай выпить; все деньги прожил, а я тебе на днях занесу, вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит. Целовальник взял у него мешок да и бросил под стойку. Пришел солдат домой; а отец еще жив. Обрадовался, а еще больше обрадовались родные. Вот жил так солдат и здорово и весело целый год. Пришел солдат в тот кабак и стал спрашивать свой мешок, а целовальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит: — Смерть, жива ли ты? — Ой, — говорит смерть, — едва не задохлась! — Ну ладно, — говорит солдат. Открыл табакерку с табаком, понюхал да и чихнул. Смерть и говорит: — Служивый, дай-ка мне! Она все просила, что увидит у солдата. Солдат и говорит: — Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди сядь в табакерку да и нюхай сколько захочешь; Только что смерть залезла в табакерку, солдат захлопнул да и носил ее целый год. Потом он опять отворил табакерку да и говорит: — Что, смерть, нанюхалась? — Ой, — говорит смерть, — тяжело! — Ну, — говорит солдат, — пойдем, я теперь покормлю тебя! Пришел он домой да и посадил ее за стол, а смерть ела да ела за семерых. Рассердился солдат и говорит: — Ишь, прорва, за семерых съела! Эдак тебя не наполнишь, куда я денусь с тобой, проклятая? Посадил ее в мешок да и понес на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал ее туда. Вот прошло три года, Господь вспомнил про смерть и послал ангелов ее отыскивать. Ходили, ходили ангелы по миру, отыскивали солдата да и говорят ему: — Куда ты, служивый, смерть-то девал? — Куда девал? А в могилу зарыл! — Да ведь Господь ее к себе требует, — говорят ангелы. Пришел солдат на кладбище, разрыл яму, а смерть там уж чуть-чуть дышит. Взяли ангелы смерть и принесли ее к Господу, а он и говорит: — Что ты, смерть, такая худая? Смерть и рассказала Господу все, а он и говорит: — Видно, тебе, смерть, от солдата не хлебы, подика кормись сама! Пошла опять смерть по миру, да только того солдата больше не посмела морить.